

Научная жизнь**АЛЕКСАНДР ШМЕМАН:
ИДЕЯ СООТНЕСЕННОСТИ
И ПОЗИЦИЯ РАДИКАЛЬНОГО КОНТЕСТАТОРА*****Т.А. Халилов****Научный журнал**«Историческая и социально-образовательная мысль»*

Аннотация: Публикуемый материал представляет собой информационно-аналитический отчёт о пятом заседании Теоретического семинара по проблемам русской мысли и политики, прошедшем 10 марта 2017 года в Южном федеральном университете (г. Ростов-на-Дону, Россия). На научном мероприятии была осуществлена попытка анализа дневниковых записей Александра Дмитриевича Шмемана, посвящённых русской теме.

Ключевые слова: Александр Шмеман, эмиграция, интеллектуализм, русская власть, византизм.

Новый сезон научных мероприятий, посвящённых проблемам россиеведения, стартовал в Южном федеральном университете с доклада д.п.н., д.ф.н., проф. В.П. Макаренко (ЮФУ) «Александр Шмеман: идея отнесенности и позиция радикального контестатора». В выступлении были обобщены основные положения научных публикаций В.П. Макаренко, явившихся результатом попыток трансформировать дневниковый нарратив выдающегося православного богослова А.Д. Шмемана в классификацию его ключевых идей [Макаренко 2016а; Макаренко 2016б]. Отправной точкой размышлений докладчика о концептах отнесенности, дежурной книги, книжного кладбища и т. д. стало традиционное рождественское интервью Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, опубликованное в январе 2015 года в сети Интернет [Патриарх... 2015]. Глава Русской православной церкви предлагает нам конкретную ценностную формулу: периоду Древней Руси соответствует вера, Российской империи — державность, революционной России — справедливость, Советской России — солидарность, новой России — достоинство. В.П. Макаренко не согласен с этой классификацией, считая, что в истории России можно выделить самый разный набор ценностей для каждой обозначенной Патриархом исторической эпохи. Далее в орбиту внимания В.П. Макаренко попадает американский историк Джеймс Хедли Биллингтон, убеждённый в положительном эффекте взаимодействия православия и демократии [Биллингтон 2009]. Современные трудности могут быть интерпретированы в качестве результирующей: именно радикальное православие не позволяет демократии проявить себя в русском контексте. Осмысление же различных векторов рус-

ской православной мысли способно выявить способы политического реформирования государства. В этом контексте представляет большой интерес наследие православного интеллектуала А.Д. Шмемана. В докладе В.П. Макаренко продемонстрировал реконструированную систему взглядов А.Д. Шмемана как православного интеллектуала и радикального контестатора.

С сообщением на тему «О границах позиции радикального контестатора в обществе» выступил д.ф.н., проф. И.Д. Коротец (ЮФУ). Он обратил внимание собравшихся на то, что терминологически позиция радикального контестатора была изначально зафиксирована в католицизме, затем распространена на православие и общество в целом: возникли политическая, религиозная, экономическая, социальная и др. контестации.

И.Д. Коротец подчеркнул, что все же требует разрешения следующий вопрос: насколько продуктивна позиция контестатора? Где обоснована её применимость в обществе и каковы ее границы? Очевидно, что контестатор — фигура крайне противоречивая и трагичная. Для ее интерпретации (которая не вызовет контестаторской реакции), необходима универсальная диалектика, охватывающая как логические, так внелогические ресурсы осмысления. В целом речь идет об ориентации человечества и конкретных людей в пространстве универсума, начиная от божественного/космического и заканчивая конкретными ситуациями. Поэтому следует выделить абсолютную и относительную формы контестаторской позиции. Первая будет относиться ко всеобщему, вторая — к особенному и единичному.

Универсальность данной проблемы выводит нас на проблему долга, в пространстве которого человек разрешает противоречие «быть или не быть». Понимание в данном случае осуществляется в пределах от здравого рассудка до глубинной психологии. Экстраверты тяготеют к отождествлению позиций индивидуального и группового, интроверты — к различению и контестаторству, поскольку социализация идей огрубляет изначальную позицию личности, приспособляя ее к потребностям общества.

Поэтому разрешение потребности в контестаторстве может реализоваться в идеале в творческом акте создания нового культурного образца. В процессе воспроизводства технологий контестаторство является сдерживающим фактором и может допускаться только в определенных условиях. Развитие информационного общества создаёт потребность для превращения понимающего контестаторства в базовое свойство человека.

Об актуальности дневников А.Д. Шмемана в год столетия революции рассказал д.и.н., проф. Н.А. Мининков (ЮФУ). По его мнению, публикация дневников протоиерея А.Д. Шмемана позволяет более полно и конкретно понять внутреннюю жизнь российской эмиграции, и в первую очередь ее позднейшего поколения, за период 1973–1983 гг. В дневниках отражена, прежде всего, церковная жизнь и православная община эмигрантов из России. Вместе с тем дневники дают ценную информацию об особенностях эмигрантской среды. Они раскрывают черты личности их автора, его общественную позицию, по словам В.П. Макаренко, радикального контестатора [Макаренко 2016б]. В этом качестве он очень хорошо видел негативные стороны существования церкви и выражал в своих дневниковых записях неприятие некоторых традиционных сторон ее деятельности в обществе, обосновывал свое разочарование православием, отмечал «фальшь пастырства». Вместе с тем для А.Д. Шмемана был характерен самый живой интерес к явлениям политической и культурной жизни в СССР. Он живо реагировал на появление «нео-нео-славянофильства» в поздней советской идеологии и культуре. Признавая и высоко оценивая литературное творчество А.И. Солженицына, он при этом не разделял увлечения его подобными идеями. А.Д. Шмеманом были сделаны интересные наблюдения по поводу особенностей психологии и культуры молодежной среды, он не принимал распространённого мнения о решительном неприятии молодежи ко всякой фальши, и указывал на склонность её к разным формам идолопоклонства. Характеристика молодежи

А.Д. Шмеманом представляет особый интерес для исследователей, которые анализируют исторический процесс в контексте идеи смены поколений, высказывавшейся Х. Ортегой-и-Гассетом [Ортега-и-Гассет 1989]. Стремление А.Д. Шмемана к «радостной, целостной и освобождающей» простоте позволяет видеть близость его идей к идеям Л.Н. Толстого. В нынешний год столетия революции в России дневники А.Д. Шмемана интересны как наглядное выражение радикального контенстаторства, которое может дать для личности в нашем обществе представление о ее месте в нынешних и, возможно, в грядущих событиях.

У д.ф.н., проф. В.А. Шкуратова (ЮФУ) на USB-накопителе была запись воскресной беседы А.Д. Шмемана «Каково моё истинное Я?». Оборудования для звуковой трансляции в конференц-зале, к сожалению, не оказалось, и В.А. Шкуратов пересказал содержание беседы, вспомнив, как произошло его знакомство с голосом протоиерея. С 1953 по 1983 гг. А.Д. Шмеман выступал с еженедельными чтениями по «Радио «Свобода»». Сейчас записи выступлений доступны в сети Интернет, тогда же эфир «вражеских голосов» заглушался рёвом советских глушилок. Блуждавший по радиоволнам подросток, вспоминал В.А. Шкуратов, заинтересовался сим акустическим артефактом, проявил настойчивость и смог пробиться к словам. В том числе и к воскресному слову о. Александра Шмемана. Речь зарубежного пастыря поражала не только содержанием, но и несоветским выговором — глуховатым проникновенным тембром, дореволюционным произношением в нос, чёткой артикуляцией, прекрасной дикцией, музыкальной ритмичностью фразы и глубокой задушевностью. В восьмиминутной беседе-проповеди, которую так и не удалось прослушать аудитории, А.Д. Шмеман говорил об открытии человеком своего Я. Не того социализованного сознания, которое возникает с освоением общеупотребительного языка, а единственного неповторимого духовного существования. Верить или не верить — это для современного человека привычка, размышлял перед микрофоном А.Д. Шмеман. В указанной привычке надо усомниться, отбросить её заимствованные обоснования. Тогда глубинное, подлинное Я человека возникает перед ним как бы заново и в первый раз. В.А. Шкуратову ход православного проповедника напомнил принцип кардинального сомнения Рене Декарта. Французский философ выводил субстанциальное Я из процесса мышления. А.Д. Шмеман призывал слушателей «стряхнуть серенькую пыль слов» с вечных истин, «прочистить зрение и слух» для достижения состояния, которое не сводится к познанию, *cogito*. «Так и не обратившись в какую-либо из вер, — сказал выступавший, — я вспоминаю сегодня эти чтения как вклад в копилку моего самосознания». Опрометчиво будет, продолжал он, отдавать открывшееся нам присутствие Я какому-нибудь разделу современной психологии. Последняя превратилась в «бухгалтерию человека» и смыкается с бюрократией для учёта и контроля индивида. Религиозный мыслитель знает, что вручать освобождённую от повседневности экзистенцию надо Богу. Но как быть тем, кто, открыв собственное персональное бытие, остаётся наедине с этой никому не переадресованной ношей? Указанная дилемма актуальна для целого поколения, во всяком случае, той его части, которая, освободившись от идеологических пут советского коммунизма, не поспешила броситься в объятия пришедших ему на смену идеологий и вероучений. Зарубежный православный иерарх высокого чина, А.Д. Шмеман был очень критичен к своей институции. Он прекрасно понимал различие между верой, религией и церковью. Его Бог личный, и А.Д. Шмеман, подобно другим религиозным мыслителям его масштаба, видел христианство в персоналистической оптике XX века. Не менее критичен он к «суете профессоршешек», доходя в дневнике до гневных филиппик против «банальной академической болтовни» («проблемы от диавола», «в святая святых проникли немецкие профессоршешки и все объясняют нам, научно и с примечаниями, его „сущность“, „развитие“ и „проблемы“, и все это, увы, гроша ломаного не стоит»). Он взывал к простоте опыта, к непосредственности детских впечатлений. Воспоминания В.А. Шкуратова о своей ранней и едва ли концептуализированной встрече со словом

А.Д. Шмемана, очевидно, обнаруживают такие впечатления и то, что с возрастом они не обязательно исчезают, даже если их носитель относится к нелюбимому протоиереем кругу «профессоришек».

С сообщением на тему «А.Д. Шмеман об идоле византизма» выступил к.ф.н., доц. А.А. Кириллов (ЮФУ). В текстах дневников, а не исследовательской монографической манере письма протоиерея А.Д. Шмемана ярко фиксируются интересующие нас ключевые сюжеты: соотношение веры и знания, знания и власти, власти и веры в пространстве восточно-христианской (византийской) культурной традиции [Шмеман 2009].

А.А. Кириллов отмечает, что стержневой константной описательной единицей при анализе дневниковых текстов у автора, несомненно, выступает понятие «византизм», в конкретной его интерпретации и понимании протоиерея А.Д. Шмеманом. Византизм в понимании автора дневников — историческая и культурная девиация — базовая причина исторической, социальной и духовной трагедии России в XX веке. «Идол византизма» понимается автором дневниковых записей как прямое следствие подчинения Русской православной церкви византийской кратической традиции, жёстко ориентированной на охранительный традиционализм. Этот охранительный традиционализм намертво способен парализовать духовные силы Русской православной церкви и, как следствие, нивелирует возможность активного позитивного воздействия церковной деятельности на жизнь русского общества.

Для протоиерея А.Д. Шмемана за этим сюжетом скрывается более значительная проблема: кризис Православия как невозможность продуктивной пасторской и социально активной деятельности в современном мире, потеря миллионов единоверцев под активным воздействием дехристианизации, враждебными и деструктивными идеями коммунизма, фрейдизма, массовизацией искусства и секулярной философии.

Объект критики — «романтическое православие», период увлечения которым, самим протоиереем А.Д. Шмеманом лично был пройден и преодолён сознательно: «...Я вспоминаю, как в какой-то момент моей жизни, после нескольких лет увлечения (под влиянием о. Киприана, конечно) „византизмом“, Византия стала для меня скучной и пресной. Я почувствовал, что отождествление Православия с византизмом — губительно, грозит сужением православного сознания. Православие нуждается не в возврате к византизму, а в оценке этого последнего, в оценке его места в истории и жизни Церкви. А вместо этого произошёл как раз „возврат“, превративший Византию в идола» (1 марта 1974 года) [Там же]. Ключевой негативной чертой «романтического православия» выступает ненависть к современному миру, нежелание иметь с ним дело и, как следствие, формирование историософской антитезы — духовной и интеллектуальной общеевропейской и мировой формуле и логике развития «Афины-Рим-Иерусалим», противопоставляется «Константинополь», порождённый доминантным идиологом византизма. Таким образом, «романтическое православие» — понимается как маркер деформированной модели восточного христианства, возникшее в поздний период своего существования, на закате Византийского мира и имплантированное в качестве «готового православия» константиновского типа в Русский мир. Отсюда и производится прот. А.Д. Шмеманом базовая метафора, применяемая к современному ему российскому-советскому обществу: метафора болезни, больной религиозности, основанной на потере духовной и интеллектуальной связи с «надмировыми Градами» «Афины-Рим-Иерусалим». Большая религиозность в Православии есть «дух кесаря» — имморализм государства, передавшийся Церкви и превративший ее в «инструмент московского империализма».

А.А. Кириллов фиксирует вывод, который логически следует из диагноза автора дневников — сформировавшийся в восточном православии псевдоморфизм — роковое несоответствие формы и содержания религиозного опыта: плен эстетики, идолопоклонство, культивирование нарциссического умонастроения, искусственность языка, оторванность от реально-

сти, отсутствие любви и свободы, господство в Русской православной церкви «архетипического» над «историческим», последнее «...делает Православие бессильным, не только внешним, но и внутренним гетто (а не вызовом, борьбой, ответом, жизнью)» (1 ноября 1980 года) [Там же].

Диагноз на почве византизма — шизофрения православной психики — жизнь в нереальном, несуществующем мире, глубокий анти-историзм «византийского» мировосприятия: «Лишний раз убеждаюсь в своей отчуждённости от Византии, если не в некоей даже враждебности к ней. В Библии — „масса воздуха“, в Византии какой-то вечно „спёртый воздух“. Все тяжеломерно, и все как-то изнутри неподвижно, окаменело. <...> А у нас все „воскрешают“ Византию, в ней чего-то „ищут“» (27 февраля 1979 года) <...> вот мы и живём потому в несуществующих мирах — в Византии, в святой Руси, где угодно, только не в своем времени» (27 февраля 1979 года) [Там же].

Осмысление византийской традиции русской власти было продолжено в выступлении к.и.н., доц. А.В. Корневского (ЮФУ) «Осмысление «византизма» в публичных и сокровенных текстах протоиерея Александра Шмемана». Тема «византийского наследия» является одним из сквозных мотивов русской религиозно-философской и политической мысли XIX–XX столетий. Она волновала отечественных интеллектуалов более века: от начала царствования Николая I, знаменовавшего кризис русского европеизма, до межвоенного периода, после чего эти сюжеты переключались из эмигрантской литературы в англо-американские «советологические» тексты. Своего рода эпилогом к этому спору стали размышления о византизме А.Д. Шмемана. Первым публичным выражением его взглядов стала статья «Судьба византийской теократии» (1947), в которой о. Александр Шмеман делает вывод об исторической исчерпанности идеи византизма, воплощённой в теократическом строе Ромейской империи. Эти мысли нашли своё дальнейшее развитие в труде А.Д. Шмемана «Исторический путь православия» (1954). С одной стороны, размышляя об исторической роли Византии, А.Д. Шмеман, в духе В.С. Соловьева, А.В. Карташева и Н.А. Бердяева, говорит о «внутренней ограниченности ее религиозно-политической идеи». С другой стороны, признавая определяющее значение наследия Византии для судеб славянства, он словно бы вторит знаменитому определению византизма, сформулированному К.Н. Леонтьевым.

А.В. Корневский считает, что иной — однозначно обвинительный — вердикт византизму мы находим в дневниковых записях А.Д. Шмемана, которые он вел в последнее десятилетие своей жизни. На первый взгляд контраст между прижизненными публикациями А.Д. Шмемана и его личными заметками может показаться разительным, но если внимательно сопоставить их, памятуя, что писание для себя не может быть таким же, как *urbi et orbi*, то никаких принципиальных расхождений мы не найдём. В опубликованных работах А.Д. Шмеман признает исторические заслуги византизма, но отказывает ему в праве на существование в современности, хотя, подчиняясь нормам публичного дискурса, делает это достаточно сдержанно. К тому же следует учитывать временной разрыв между «Историческим путём» и «Дневниками». В публичных выступлениях последнего десятилетия жизни обнаруживается несколько иная трактовка византизма. В докладе «Духовные судьбы России» (1977) А.Д. Шмеман высказывается о византийской теократии более категорично. Он отрицает ее положительное значение не только в настоящем, но и в прошлом: «Пора понять, что никакой опеки Церкви никогда не было нужно». Таким образом, расхождения между публичными и дневниковыми суждениями А.Д. Шмемана о византизме обусловлены исключительно различиями дискурсов, но не противоречат друг другу. Предупреждение об угрозе «романтизации» православия, бегства в Византию и прочие грёзы о прошлом достаточно явно присутствуют и в публикациях А.Д. Шмемана, но в его «Дневниках» оно выражено несравненно яс-

нее и с поистине пророческой страстью. Сегодня, когда византизм «снова в тренде», это предупреждение звучит как никогда актуально.

По мнению А.А. Кореневского (Донская духовная семинария) заседание семинара, посвящённого творческому наследию прот. Александра Шмемана, позволяет посмотреть на фигуру известного богослова в несколько новом ракурсе. В представленных сообщениях взгляды о. Александра Шмемана рассматривались главным образом через призму рационального научного знания. Так, в докладах В.П. Макаренко, Н.А. Мининкова, А.А. Кириллова, А.В. Кореневского был сделан акцент на понимании о. Александром Шмеманом феномена византизма, а этот культурно-исторический фон его творчества — не аспект, а именно фон, ибо практически все его работы так или иначе увязаны с этой темой — весьма скудно озвучен в современных богословских текстах и в то же время часто становится предметом околонаучных и псевдоцерковных публикаций в сети Интернет. А.А. Кореневский убеждён в непротиворечивости публичных и сокровенных текстов А.Д. Шмемана, а также некоторых его чрезмерных обобщениях относительно византийской церковной культуры.

Вопросам идеологического измерения политической мысли А.Д. Шмемана было посвящено сообщение Т.А. Халилова (научный журнал «Историческая и социально-образовательная мысль»). По мнению докладчика, в корпусе текстов Александра Шмемана — противника любой идеологии и идеологизма и сторонника демократии американского типа — большое внимание уделяется свободе. Однако свобода имеет не только позитивный вектор: «Свобода не всегда воплощается в разумно-созидательные действия. Ее воплощения и результаты могут быть не только парадоксально-бессмысленными в деяниях отдельного человека или народов, но и деструктивными» [Марченко 2016: 45]. В споре А.Д. Шмемана с А.И. Солженицыным этот тезис проявляется вполне фактурно: православный богослов не даёт права православному писателю на свободу политических убеждений. В целом вопрос об идеологичности общественно-политических воззрений А.Д. Шмемана остаётся открытым в силу отсутствия чётких границ между верой и знанием.

С сообщением «Дневники А. Шмемана: к вопросу об объективности» выступила А.В. Абраменко (ЮФУ). По мнению докладчика, дневники о. Александра Шмемана представляют большой исследовательский интерес и являются ценным образцом малоизученного на сегодняшний день наследия православных мыслителей XX века. Особое внимание привлекает их жанровая специфика. Дневник не относится к традиционному для богословов произведению. Он обладает уникальными психолингвистическими характеристиками, которые следует принимать во внимание при изучении и осмыслении самого текста. С лингвистической точки зрения дневник отличает: соблюдение хронологической последовательности записей; отрывочность и краткость повествования; современность описываемым событиям, отсутствие ретроспективности. Тогда как с психологической точки зрения дневник обладает двумя основными чертами: предельной субъективностью и эмоциональной экспрессивностью.

При всем стремлении к объективности при анализе дневниковых записей, создающийся в сочетании таких психолингвистических особенностей текст дневника накладывает существенный отпечаток на работу исследователя. Так, откровенность и искренность формируют пространство интимности, виртуальной дружбы между «автором» и «читателем», снижая порог критичности у последнего. Эмоциональная заряженность повествования непроизвольно вызывает ответную субъективную реакцию. Дневник как запись «для себя», не имеющая адресата и не предназначенная для публики, свободная в своем выражении, не подлежит внутренней цензуре на предмет нравственно-этической составляющей, социальной приемлемости и одобряемости. Наряду с этим, весьма остро встаёт проблема понимания личности авто-

ра и защиты права на частное мнение, а именно сохранение материалов дневника от злоупотреблений в использовании.

По итогам состоявшегося 10 марта 2017 года пятого заседания Теоретического семинара по проблемам русской мысли и политики принято коллективное решение о проведении ежегодных Шмемановских чтений.

Биллингтон Дж.Х. 2009. Православие и демократия. — *Вестник Европы*. — № 26–27. — Доступно: <http://magazines.russ.ru/vestnik/2009/26/bi25.html>. — Проверено: 15.03.2016.

Китаев В.А. 2014. Солженицын в восприятии Шмемана. — *Отечественные записки*. — № 6 (63). — Доступно: <http://www.strana-oz.ru/2014/6/solzhenicyn-v-vospriyatii-shmemana>. — Проверено: 15.03.2016.

Макаренко В.П. 2016а. Александр Шмеман: от идеи отнесенности к процессу чтения. — *Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований*. — № 1.

Макаренко В.П. 2016б. Александр Шмеман: радикальный контестатор на фоне церковно-религиозной каши. — *Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований*. — № 2.

Марченко Т.А. 2016. *К вопросу антропологии свободы*. — Новосибирск.

Ортега-и-Гассет Х. 1989. Восстание масс. — *Вопросы философии*. — № 3–4.

Патриарх... *Патриарх: революция 1917 г. была связана с запросом на справедливость*. 07.01.2015. — Доступно: <http://ria.ru/religion/20150107/1041717942.html#ixzz3ODVMAxO1>. — Проверено: 15.03.2016.

Пивоваров Ю.С. 2010. О. Александр Шмеман о России. — *Труды по россиеведению: Сб. научн. тр.* — М.

Прот. Александр Шмеман. Дневники. 1973–1983. Сост., подгот. текста У.С. Шмеман, Н.А. Струве, Е.Ю. Дорман; Предисл. С.А. Шмемана; Примеч. Е.Ю. Дорман. 3-е изд., испр. — М., 2009.

Халилов Т.А. Становление гражданского общества в имперском контексте России: тренды и проблемы. — *Сравнительная политика*. — № 8(1).